

Гавра Д. П., Быкова Е. В.

ПРОШЛОЕ КАК РЕФЛЕКСИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСТОЯЩЕГО: М. С. ГОРБАЧЕВ В ПОСМЕРТНЫХ КОММЕНТАРИЯХ РОССИЙСКОЙ ОНЛАЙН-АУДИТОРИИ

Аннотация. В статье анализируются комментарии пользователей российских социальных сетей в качестве массовой реакции на официальное сообщение о смерти Михаила Горбачева на Первом канале Российского телевидения в первые сутки 31.08.2022. Комментарии собраны в датасет с помощью программы Semantic Force. Эмпирическая база включает 2 528 комментариев к репостам официального сообщения на каналах vk.com, t.me, youtube.com, zen.yandex.ru, livejournal.com, 1sn.ru, otvet.mail.ru, odnoklassniki.ru. Анализ реакции на смерть национального лидера прошлого является изучением феномена смерти и её связи с политическими эффектами и природой властвования, дает информацию о текущем состоянии массового сознания в русле социологии массовой коммуникации и социологии памяти. Принцип отбора единиц для лексико-семантического анализа комментариев: номинации политика (136 неповторяющихся единиц). Проанализированные комментарии являются примером бинарной оппозиции сторонников и противников политика, комментариев с нейтральной тональностью в датасете не обнаружено.

Ключевые слова: рефлексия политического прошлого, кончина национального лидера, М. С. Горбачев, социальные сети, комментарии, социология медиакоммуникации, социология памяти

Для цитирования: Гавра Д. П., Быкова Е. В. (2023). Прошлое как рефлексия политического настоящего: М. С. Горбачев в посмертных комментариях российской онлайн-аудитории // Ученые записки НовГУ. 6(51). 550-562. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).550-562

Смерть национального лидера прошлых периодов, внесшего значительный вклад в социальную или политическую динамику государства, всегда вызывает массовую эмоцию. Если эта динамика была сопряжена с тектоническими сдвигами в государственном устройстве, а тем более с социальными потрясениями, конфликтами, войнами, сменой политического режима, национальным триумфом или национальным унижением, эта эмоция приобретает особенно острый и поляризованный характер. Даже если этот лидер давно отошел от дел и не был в поле публичной политики, если его имя было на периферии актуального сознания людей, факт ухода вновь возвращает лидера в публичное пространство и ставит в центр общественных дискуссий. Из полузабытого героя/антигероя прошлого, персонажа воспоминаний и учебников истории ушедший лидер превращается в ньюсмейкера сегодняшнего дня. Он ненадолго снова становится нашим современником в том плане, что его снова обсуждают, вокруг его имени снова сталкиваются мнения. Но дело не только в этом. Умерший лидер на какой-то период становится актуальным современником потому, что его смерть дала толчок не столько к рефлексии прошлого, сколько к обсуждению настоящего и будущего в контексте связанного с ним (лидером) прошлого. Именно поэтому мы полагаем, что анализ реакции массовой аудитории на официальную информацию о смерти национального лидера в методологическом плане дает исследователю особый инструмент понимания актуальных глубинных общественных настроений, познание которых традиционными методами опросов общественного мнения или контент-анализа содержания социальных сетей затруднено. Особенно важно использование данного методологического инструмента для решения исследовательских задач социологии памяти и социологии массовых

коммуникаций. Традиционные социологические методы являются особенно проблемными в ситуациях общественного напряжения и информационно-психологического давления на массовое сознание. В таких ситуациях индивидуальные коммуникативные акторы дают социологам социально одобряемые ответы и вводят режим самоцензуры применительно к тем событиям и информационным поводам, неконвенциональное выражение отношения к которым создает риски для их социального рейтинга или понимаемой в широком плане безопасности. Они предпочитают выбирать режим коммуникативного молчания в чувствительных сферах и переносят свои активности в сферу коммуникации вокруг обыденных повседневных практик. Однако, когда появляется такой относительно неактуальный, а значит, воспринимаемый скорее безопасным повод, как смерть политического героя прошлого, этот повод позволяет высвободить те оценки настоящего, которые формально могут опознаваться как оценки прошлого.

Почему эти оценки становятся в большей степени оценками настоящего, чем оценки прошлого? Потому, что эти оценки пишутся человеком сегодняшнего дня, с его сегодняшним социальным статусом, эмоциональным состоянием и оценкой актуальной жизненной ситуации. Причем последняя, что очевидно, не является исключительно следствием того, что умерший лидер совершил когда-то, это еще и результат того, что происходит с человеком сегодня, здесь и сейчас. Именно об этом говорят работы по социологии памяти [Мысливец, 2018; Сеницына, 2008; Coser, 1999; Zerubavel, 1996]. В этом контексте, как мы полагаем, анализ массовой реакции на смерть национального лидера прошлого может дать богатую информацию о текущем состоянии массового сознания, а не просто еще раз охарактеризовать ушедшую политическую фигуру и ее эпоху в русле социологии массовой коммуникации.

М. С. Горбачев, первый и последний президент СССР, «архитектор перестройки» и в известной степени автор или по меньшей мере полноправный соавтор карты современной Европы, несомненно, относится к тем лидерам, о которых мы вели речь во введении к настоящей статье. Его не очень долгое, менее, чем семилетнее пребывание у власти породило колоссальные изменения как в геополитическом устройстве мира, так и в судьбах десятков миллионов людей на просторах бывшего СССР и вокруг него. Поэтому его кончина не могла не вызвать массового отклика и своеобразной эмоциональной бури по обе стороны «железного занавеса», который он так старался разрушить. Именно поэтому мы и обратились к анализу реакции российских пользователей социальных сетей на официальное сообщение о смерти М. С. Горбачева. Отметим при этом, что также собрана аналогичная информация по США, Великобритании и Германии. Но это предмет отдельного анализа.

Мифологизация известной личности происходит в течение всего его жизненного пути и особенно ярко проявляется после его кончины. По словам Ю. М. Лотмана «смерть выводит личность из пространства, отведенного для жизни: из области исторического и социального личность переходит в сферы вечного и неизменного. <...> Она (смерть) становится как бы зеркалом жизни, с той только поправкой, что отражение здесь не пассивно: каждая культура по-своему отражается в созданной ею концепции смерти, а смерть бросает свое зловещее или героическое отражение на каждую культуру [Лотман, 2022, с. 210]. Смерть как концепт хранит первичные культурные коды, которые почти в неизменном виде встречаются и в современном

культурном общении, что трактуется как свидетельство вневременной устойчивости народной ментальности (Леви-Брюль, 1994). Как пишет И. Ерофеева: «В российской модели мира категория «смерть» всегда была тем, к чему обязательно полагается смысл. С одной стороны, смерть внеположена собственно культурному бытию и запредельна к нему, с другой стороны, она оказывает воздействие на кристаллизацию ценностей, делает осмысленным человеческое бытие, разворачивая его в разных аксиологических направлениях, но к единому концу [Ерофеева, 2017, с. 85]. Нельзя не согласиться с Д. Е. Москвиным в том, что «... понимание феномена медийного дискурса смерти возможно через реконструкцию выстраивания отношений смерти и власти, а теперь, очевидно, власти и медиа. СМИ определяют значимость и знаковость той или иной смерти, определяют порядок в виртуализированном царстве мёртвых, устанавливают, кого следует помнить, кого предать забвению. ... Физическое умирание, таким образом, перестало быть таинством (духовным и властным), но оно должно быть рассмотрено через призмы объективов, превращено в со-бытийность, включено в порядок и ход вещей» [Москвин, 2007, с.22].

Медийный дискурс смерти лидера или знаменитости имеет тотальный характер. Стоит вспомнить дни, когда всё медийное пространство заполняется репрезентацией чьей-то смерти: похороны официальных лиц – Шарля де Голля, Нельсона Манделы, принцессы Дианы, королевы Елизаветы II, в России – первого президента России Б. Н. Ельцина, лидера ЛДПР В. В. Жириновского, оппозиционного политика Б. Е. Немцова. В этом же ряду назовем похороны медийных звёзд (М. Джексона, В. Листьева). Не случайно современную ситуацию называют Новым Средневековьем, когда публичная казнь или смерть были главным зрелищем, становилось городским событием и сопровождалось массовым стечением народа.

Сегодня эти события перетекли в цифровое пространство социальных сетей, в которых рядовые пользователи получают возможность еще раз вернуться к своим жизненным перипетиям и переживаниям во времена пребывания умершего политического лидера у власти и выплеснуть в его адрес свои сегодняшние эмоции. А если автором комментария является молодой человек, не живший в те времена, он опирается на воспоминания и эмоции близких, на ту мифологию прошлого, которая сформировалась в его социальном окружении. При этом, повторим, пользователь, пишущий комментарий, если он к тому же находится в неблагоприятной жизненной ситуации, получает возможность еще раз снять с себя ответственность за это и возложить ее на ушедшего политика. С другой стороны, для той части аудитории, у которой социальная траектория была успешной, умерший лидер, напротив, рассматривается как своеобразный соавтор его жизненного успеха. В структуре аудиторий, пишущих комментарии на смерть значимой фигуры политического прошлого, есть и еще одна значимая группа. Это люди, успешные в эпоху ушедшего лидера, которых новая эпоха низвергла или отравила на обочину политической и социальной жизни. Для них смерть лидера – значимый повод не только для ностальгии по ушедшему политическому режиму, но и для критики режима нынешнего. Вспоминая Ги Дебора, отметим, что «общество спектакля», вобравшего в себя все составляющие жизни человека от рождения до смерти, проявляется в том, что одних персон провожают как актеров аплодисментами, других освистывают: «Даже покойников просят сыграть маленькую сценку перед фотоаппаратами, телевидением и

толпой» [Брюнелен, 2001, с. 213].

Максима спартанского политика и поэта Хилона «О мертвых или хорошо, или ничего» в социально-политическом плане оценивалось неоднозначно и не стала руководством в отечественном политическом дискурсе. Широко известно, например, высказывание князя В. Ф. Одоевского: «...Нам так часто повторяют, и сами мы повторяем: *De mortuis aut bene, aut nihil*, что совестно спросить: да есть ли смысл в этой фразе? — Никто из нас, кажется, и не подумал, что если бы эта фраза была справедлива, то вся история должна бы состоять из панегириков. ... Неужели можно выхвалять или молчать относительно зла, сделанного, например, в Русской литературе Булгариными и Сенковскими, или например, Аракчеевыми для целой России? — Знаменитое присловье надобно переделать так: *De mortuis seu veritas, seu nihil*. Это так. Ложь или даже подозрение против живого неопасны, — он сам огрызается; ложь, неопределенное подозрение против мертвого позорны. Но правда и против мертвого, и против живого — дело святое» (*Полная цитата в: Прим. 1*).

И в этом плане особый исследовательский интерес представляет массовая сетевая реакция на смерть лидеров, оставивших противоречивый след в истории своих стран, тех, которые и при жизни для одних были объектом уважения и даже поклонения, а для других — объектом негативных эмоций вплоть до ненависти. Это безусловно относится к М. С. Горбачеву, сетевой реакции на смерть которого посвящена настоящая статья. Данная реакция на уход из жизни первого и последнего президента СССР, официальное сообщение о котором прошло по всем федеральным каналам 31.08.2022, в комментариях подписчиков схожа с реакцией британцев на смерть Маргарет Тетчер (12.04.2013). Об этом можно судить по анализу российских комментаторов: «Читала про смерть Мадлен Олбрайт, Маргарет Тетчер — такие же почти как у Горбатого. Царство небесное! Маргарет Тэтчер заждалась». Анализ комментариев некрологов в массмедиа по поводу смерти М. Тетчер показал, что в британской истории, пожалуй, еще не было политика, который и при жизни, и после смерти вызывал у своих сограждан настолько разные эмоции (*Прим. 2, б*). На следующий день после смерти Маргарет Тэтчер британские газеты вышли с заголовками от "Женщина, которая спасла Британию" (*Daily Mail*) до "Шотландия не забудет и не простит" (*Daily Record*) и "Ликуйте!" (*Socialist Worker*) (*Прим. 3*). При этом интересно, что именно М. Тэтчер открыла для Запада Михаила Горбачева, назвав советского лидера человеком, с которым "можно иметь дело" (*Прим 4*). Она по праву считается наряду с Рональдом Рейганом величайшим архитектором победы в Холодной войне. «В XX в. в политических коммуникациях и в теории информационно-психологической войны появилась аргументированная технология «управляемой ненависти» [Ерофеева, 2017, с. 80], поскольку в связи со смертью возникает прошлое, а иногда и будущее остающихся. И вот здесь находится тот водораздел, по которому все комментарии относительно смерти политика поляризуются. И эта поляризация сегодняшних позиций авторов комментариев — факт сегодняшнего дня. Не позавчерашнего. И соответственно анализ этих комментариев способен дать информацию о том, что происходит в массовом сознании сегодняшнего дня в привязке к актуальной социально-политической ситуации.

В подчеркивании отчуждающих различий между людьми или социальными группами актуализируется фундаментальная для политического дискурса

семантическая оппозиция «свой-чужой», отражающая принадлежность коммуникантов к тем или иным социальным и политическим группам, что проявляется в речевом поведении субъектов коммуникации в комментировании события, где самой частой речевой формой становится навешивание ярлыков.

Ярлык – единица коммуникативного злоупотребления. Ярлык является прототипным для политического дискурса видом инвективы, для которой характерна идеологизированность, субъективность и предубежденность [Шейгал, 2000]. Просто по Н. В. Гоголю: «Выражается сильно российский народ! И если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно что писанное, не вырубливается топором» (Гоголь Н. В. «Мертвые души»).

Опасность ярлыков в том, что входя в широкий обиход благодаря средствам массовой информации, они приживаются надолго, становятся привычными, повседневными словами, порой замещая, вытесняя смежные, но менее агрессивные понятия [Демидов 2007, с. 117], влияют на формирование общественной оценки тех аудиторий, которые не являлись и/или не являются свидетелями событий оцениваемой эпох. Негативные оценки, передаваемые с помощью пейоративной лексики, нередко заменяют логическую аргументацию, точнее, будучи рассчитанными на эмоциональное восприятие, сами приобретают характер аргументов [Демидов 2007, с. 119]. Пейоративная лексика часто приобретает просторечно-сниженную тональность. Активно используется разговорная, грубая, бранная лексика, отличающаяся высокой экспрессивностью, отражающая накал политических страстей в обществе [Демидов 2007, с. 120]. Негативное отношение к личности покойного политика проявляется в вербальной агрессии комментаторов. «...Вербальная агрессия имеет не только ярко выраженную национально-культурную специфику, но также и специфична в разных речевых сферах: бытовом, производственном, военном, педагогическом, политическом дискурсах». По наблюдению Е. И. Шейгал, в политическом дискурсе преобладает критика субъекта «за глаза», в общении с третьим лицом или массовой аудиторией [Шейгал, 1999, с. 204]. В речи агрессия проявляется в модальности категоричности, в тональности пренебрежения, грубости, презрения [Жельвис 1997, с. 74] и выражается в инвективной и пейоративной лексике.

Целью исследования выступало выявление лексико-семантических групп ярлыков М. С. Горбачева, появившихся в социальных сетях после сообщении о его смерти, и увязка ярлыков с социально-культурными параметрами комментаторов. (Дата: 31.08.2022. 1sn.ru (461) Первый канал: *На 92-м году жизни после продолжительной болезни скончался Михаил Горбачев.* (https://www.1tv.ru/news/2022-08-31/436820-na_92_m_godu_zhizni_posle_prodolzhitelnoy_bolezni_skonchalsya_mihail_gorbachev). Эмпирической базой выступили 2 528 комментариев в репостах на следующих каналах: vk.com (61091) , t.me (17025), youtube.com (15605), zen.yandex.ru (1156), livejournal.com (757) ,1sn.ru (461), otvet.mail.ru (352), odnoklassniki.ru (205). Принцип отбора лексических единиц для анализа: номинации субъекта. Общее количество

сообщений в датасете, собранных с помощью программы Semantic Force, 100000 единиц. Из извлеченного массива медиатекстов вручную удалены случайные материалы, не имеющие отношения к теме.

Рабочие гипотезы были таковы:

1. Лексико-семантическое поле вокруг личности М. С. Горбачева, образованное российскими пользователями после сообщения о его кончине, является поляризованным.
2. В континууме выявленных лексем негативно окрашенные номинации доминируют над позитивно окрашенными.
3. Лексика позитивно окрашенных номинаций тяготеет к публицистическому или официально-деловому стилям.
4. Негативно окрашенные лексемы относятся к обиходно-бытовой, разговорной или бранной, в том числе пейоративной лексике.

В исследуемом массиве комментариев выявлено 50 позитивно и 86 негативно окрашенных лексем, относящихся к личности М. С. Горбачева. Таким образом первая и вторая гипотезы получили свое подтверждение. На основании тематического критерия мы сформировали лексико-семантические группы и проанализировали их в порядке убывания количества единиц в группе.

Для проверки третьей гипотезы обратимся к ЛСГ с позитивным значением, выявленным в комментариях пользователей российских социальных сетей к сообщению о кончине М. С. Горбачева. В блоке этих номинаций в порядке убывания выявлено несколько лексико-семантических групп:

- ЛСГ, связанные с категориями уникальности и превосходных личных и политических качеств, замкнутые на оценку «лучший»: лучший правитель, лучший из всех советских лидеров, нереальный президент, человек-Легенда, яркий был президент, единственный порядочный интеллигентный руководитель, единственный правитель России, который поставил интересы народа выше желания властвовать вечно, самый адекватный президент, был одним из самых ярких российских политиков, последний из Могикан;

- ЛСГ, связанные с категорией «величие»: ВЕЛИКОМУ президенту, величайший человек, Великий Михаил Сергеевич, величайший политик XX века, великий человек, Величайший политик 20 века, самый могущественный генеральный секретарь;

- ЛСГ, связанные с категорией «гениальность»: гениальный, гениальный политик современности;

- ЛСГ, связанные с категориями демократии и патриотизма: чемпион демократии, сын своего народа;

- ЛСГ бытовизмов с позитивной коннотацией: настоящий мужик, хороший мужик, хороший комбайнер и отличный муж, симпатичный мужик.

Анализ ЛСГ с позитивным значением позволяет сделать вывод о том, что четвертая гипотеза подтвердилась: позитивно окрашенные лексемы тяготеют к публицистическому или официально-деловому стилям. Смысловое наполнение позитивных номинаций – «гениальный политик современности», «адекватный президент», «величайший политик XX века», «интеллигентный руководитель», «лучший из лидеров», «могущественный генеральный секретарь», «правитель

России, который поставил интересы народа выше желания властвовать вечно», и т.д. и т.п. говорит о том, что субъектами, сформулировавшими эти номинации, были пользователи сети, на рабочем уровне владеющие официально-деловым или публицистическим стилем и, видимо, в большинстве своем имеющие высшее образование. И это вывод не опровергают даже позитивно окрашенные бытовизмы, где преобладает номинация «хороший мужик». Само слово «мужик» в российской культуре и обыденной коммуникации конца XX – начала XXI века означает не крестьянское происхождение и низшую позицию в дихотомии «барин – мужик», а в позитивном ключе означает настоящего мужчину, человека, принадлежащего к близкому кругу.

Для проверки четвертой гипотезы обратимся к анализу негативных ЛСГ. Как мы уже говорили, обсуждая факт подтверждения второй гипотезы, количество и, что не менее важно, предметно-тематический и метафорический спектр негативных номинаций, представленных в комментариях пользователей российских социальных сетей, оказался гораздо более широким и диверсифицированным.

На первом месте по частотности в ряду негативных номинаций ушедшего политика стоят разные версии номинации «предатель», на втором – зоонимы, на третьем – номинации, отсылающие к связи с нечистой силой, на четвертом – библеизмы с негативной коннотацией, на пятом – отсылки к категории непорядочного человека/мошенника.

ЛСГ «предатель» в разной лексической экспликации занимает первое по частотности место: *предатель Советского НаРОДа главный предатель подлый предатель, предатель Родины, вор и предатель, первый предатель Родины, меченый предатель, Генеральный лицемер, меченый предатель*. «Самое главное недовольство вызывала внешняя политика Горбачёва, сдача наших позиций перед Западом, односторонние обязательства перед ним, которые вели к подрыву статуса Советского Союза как великой державы» (Прим.4). В публичном дискурсе конца 80-х-90-х обвинение М. Горбачева в сознательном развале Советского Союза было достаточно распространенным. Отголоски этой позиции одновременно с негативным отношением к Западу и западным ценностям вполне ожидаемо присутствуют в комментариях осени 2022 г., когда этот «обобщенный Запад» вел активную прокси-войну против России. Это и определяет широкое тематическое поле, образованное вокруг лексемы «предатель»: *резидент абвера, иностранный агент, агент спецслужб Запада, америкосовская подстилка, настоящий враг народа, агент «Комитета 300», рожа жидомасонская, засланный казачок, масон, американский агент, незаконно разваливший Советский Союз, главный тайный резидент от США, это для запада он герой, меченый нобелевский медалист, место которому на виселице*.

На втором месте по частности в комментариях представлены ЛСГ зоонимов, которые на культурно-архетипическом уровне обычно классифицируются по критерию верх/низ и ассоциируются с образом умного/сильного человека или слабого/вероломного/низкого человека. Типичный объект негативной зоонимической метафоры – политический оппонент, враг [Будаев, Тихонов 2016]. Зооним зачастую имеет пейоративную оценочность и становится средством выражения однозначно негативного отношения к субъекту посредством устойчивой ассоциации: дикие

животные (шакалы и гиены), домашние животные (свинья, козел), мелкие животные-грызуны (мыши, крысы), птицы (ворона), насекомые (муха, таракан, вошь, блоха, клоп) [Вепрева, 2023, с.21; Гура, 1997].

В исследуемом эмпирическом материале типы пейоративных зоонимов представлены следующими лексемами: *шакал; псина, собака поганая, немецкая овчарка, козёл, пятнистый козел; крыса; голубь с помойки; гнида, вошь лобковая, бесхребетный слизень, гад, гаденыш*. Отметим, что в целом в российской культуре зооним «собака» не имеет однозначной негативной окраски (например: верный, как собака), поэтому авторы комментариев используют его с разветвленным по стилистической маркированности синонимическим рядом с актуализированной негативной градацией: нейтральное стилистически слово собака/псина усиливают негативное значение лексемы с помощью прилагательных поганая, немецкая. Кроме того, зоонимический ряд дополняют гиперонимы в пейоративной функции: *скотина, политическое быдло, скот бесполезный, тварь, тварь паскудная, животное, убившее миллионы шкура, падаль, падаль продажная*.

Третье место по частотности занимают ЛСГ, обозначающие нечистую силу: *старый упырь, чудище, чёрт, старый вурдалак, кощей, бес, черт меченый*.

Четвертое место занимают ЛСГ библеизмов: *раб Антихриста, Иуда, сатана, сатана в облике человека, слуга мамоны, демон, Меченый на челе дьяволом, большой грешник, урод*. Авторы комментариев, используя данную лексику, причисляют субъекта сравнения к силам «мирового Зла». С нашей точки зрения, эти номинации при всей их эмоциональной нагруженности не в полной мере опираются на знание и понимание их авторами экстралингвистического контекста периода перестройки. Как известно, именно при М. Горбачеве произошло два знаковых для новейшей истории Русской Православной Церкви события: празднование тысячелетнего юбилея Крещения Руси (1988) и принятие «Закона о свободе совести и религиозных организаций» (1990) Горбачев назвал Крещение Руси «знаменательной вехой на многовековом пути развития отечественной истории, культуры и русской государственности» (Прим. 5). «Закон о свободе совести и вероисповеданий», принятый менее чем за год до смещения Горбачева с его поста, – 1 октября 1990 г., стал еще одной вехой церковного возрождения. Но лексический ряд, примененный комментаторами в 2022 г., еще раз подчеркнем, очень сильный для российской культурной традиции, очевидно связан не с обобщением фактов церковной истории тридцатилетней давности, а с личным непосредственным или опосредованным эмоциональным опытом эпохи М. С. Горбачева и ее последствиями.

Замыкает негативный ряд лексика со значением «мошенник» – *мошенник, шельма, пройдоха*.

Статистически значимыми среди лексем с негативным значением, стали ЛСГ с характеристиками личности (1); ЛСГ с оценкой профессионально-политического и ценностно-политического характера (2); ЛСГ традиционных бытовых инвектив (3).

В первую группу входят:

- **лексико-семантическая группа (ЛСГ) со значением физиологической неполноценности** (наличие родимого пятна, особой метки на лице) - *уродец, горбач, меченная мразь, плешивый, урод, старое пятнистое чмо, урод, горбатый, меченый*

предатель, меченый чёрт меченый Горбач проклятый, позорное пятно в истории России, Мишка меченый;

- **ЛСГ интеллектуальной слабости:** *интеллектуальный кретин, идиотище, глупый, недалёковидный, полная бездарность, ничтожный и бездарный по своей сути человек;*

- **ЛСГ морально-волевой слабости и ущербности:** *слабый человек, подкаблучник, подкаблучник Раисы, моральный урод, трус, негодяй, пройдоха, моральный подонок.*

Во вторую группу входят ЛСГ:

- **ЛСГ со значением политической слабости:** *пустышка, болтун первой степени, непонятный говорильник, подкаблучник штатов, никакой защитник СССР, царь провалившийся;*

- **ЛСГ со значением человека не на своем месте:** *комбайнер из Ставрополя, бестолковый комбайнёр, мелкий аграрный деятель;*

- **ЛСГ со значением разрушителя великой страны:** *разрушитель и убийца великого народа, уничтожитель русского народа и российского государства, Герострат СССР, губитель Союза, черная полоса Родины, человек, лишивший всех нас Великой Родины;*

- **ЛСГ злодея, кровавого убийцы:** *страшный человек, злодей, злодей высшей марки, Чикатило всего трудового, доверчивого, советского народа, кровавый правитель самый смертоносный, кровавый предатель, убийца, кровавый диктатор.*

В третью группу входят:

- **ЛСГ, основанные на негативной манипуляции с именем и фамилией политика:** *дедушка Горбачев, Михаил Меченый, Мишаня, Миха, меченый Мишка, Мойша Гербер.*

- **ЛСГ прямых пейоративных номинаций:** *суконец, колхозная чмоха, тварюга, падла, шельма, иваль, сволочь, мерзавец, погань, мразь, подонок, ублюдок, выродок, ублюдок пятнистый, и т.п.*

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что четвертая гипотеза получила свое подтверждение. Не только бытовые инвективы, но и лексемы в большинстве других ЛСГ тяготеют к просторечной и пейоративной лексике. Это является косвенным подтверждением того, что в базе своей пользователи российских социальных сетей, выражавшие негативное отношение к только что скончавшемуся последнему Президенту СССР, принадлежат скорее к средней и низшей стратам российского социума, для которых такая лексика является базовой не только в повседневных социальных практиках, но и в сетевой онлайн коммуникации.

Проведенное исследование в целом подтвердило наш базовый тезис о том, что комментарии пользователей социальных сетей, посвященные смерти национального лидера прошлого, являются важной и информативной эмпирической базой, позволяющей даже в сложных текущих условиях цензуры и самоцензуры более точно выявлять текущие социальные настроения, чем с опорой на комментарии актуальных и острых политических событий. По поводу лидера прошлого могут высказываться даже «молчуны», в силу социального опыта или занимаемой должностной или

профессиональной позиции опасаясь высказывать такие оценки текущей политической ситуации, которые в чем-то не совпадают с политическим мейнстримом. В пользу такого вывода говорит не только большое количество и широкая полифония комментариев, но и используемая комментаторами лексика, в том числе остро пейоративная, применять которую по отношению к лидеру прошлого авторам комментариев оказывается легче и, видимо кажется безопаснее, чем по отношению к амбивалентным информационным поводам текущего политического настоящего.

Во-вторых, исследование скорее имплицитно, чем эксплицитно, подтвердило второй наш тезис о том, что анализ комментариев на смерть противоречивого национального лидера или государственного деятеля прошлого дает характеристику не столько этого лидера или его исторического периода, сколько картину текущего состояния социально-психологического статуса и социального благополучия авторов комментариев и – шире – текущего состояния общественных настроений. И это может считаться важным методологическим результатом для эмпирической социологии массовых коммуникаций. Разумеется, поводом высказывания является кончина героя/антигероя прошлого, текущий статус и текущие настроения трактуются авторами комментариев в контексте влияния ушедшего лидера на сегодняшнюю жизнь. И тем не менее, это сегодняшние высказывания сегодняшних людей. И мотив высказаться здесь и сейчас – не столько неудачи или удачи прошлого, сколько проекция сегодняшнего статуса и настроений на это прошлое и вину/заслуги лидера.

В-третьих, подтвердились базовые гипотезы среднего уровня, связанные с анализом эмпирического материала. Поле номинаций М. С. Горбачева, сформулированных российскими пользователями после сообщения о его кончине, является поляризованным, причем негативно окрашенные номинации доминируют над позитивно окрашенными. О чем это говорит в социологическом плане – предмет отдельного исследования, лежащего в поле социологии памяти. Мы не можем только на основе полученных результатов сделать однозначный вывод о том, что в национальной памяти фигура М. С. Горбачева окрашена в негативные тона. Этот ответ могут дать репрезентативные опросы общественного мнения. Но результат исследования говорит о том, что среди пользователей российских социальных сетей факт кончины М. С. Горбачева в большей степени породил мотив высказаться у тех, кто относится к нему и его правлению негативно. Более того, сама преимущественно использованная в негативных комментариях лексика – жесткая и тяготеющая к пейоративной – свидетельствует о том, что среди подвыборки негативно ориентированных комментаторов преобладают испытывающие к фигуре М. С. Горбачеву стойкую эмоционально окрашенную неприязнь. Также используемая просторечная лексика позволяет предположить, что среди авторов негативных комментариев преобладают представители средних и средних-низших социальных страт. При этом предметно-содержательная структура негативных номинаций ушедшего лидера является крайне диверсифицированной. В ней представлены все уровни – от высшего (архетипического и библейского) до низшего (прямые инвективы) и широкий спектр предметных номинаций.

Анализ выявленных речевых форм с выражением оценки продемонстрировал явный перевес в сторону негатива с актуализированной эмоциональной составляющей со значением злорадства, презрения уничижения. Аргументация выражения

негативной оценки с одной стороны опирается на личную сферу пишущего, с другой – носит генерализированный характер (от «он все развалил» до «он всех освободил»). Выражение позитивной оценки (первый Президент, великий политик) сопровождается аргументацией с выражением благодарности, затрагивающей личную сферу пишущего (открыл нам границы, позволил мне уехать и т.п.).

Анализ позитивных номинаций позволяет сделать вывод о том, что авторы соответствующих комментариев преимущественно пользуются публицистическим или официально-деловым стилями, что дает основание предполагать их более высокий социальный и культурно-образовательный статус. Предметно-содержательная структура позитивных номинаций является менее развитой по сравнению с соответствующей структурой негативных номинаций, хотя в ней также представлены все три уровня – от экзистенциального до обыденного.

Примечания

1. "РУССКИЙ АРХИВЪ" 1873 года, материал "Изъ бумагъ князя В.Ф. Одоевскага"
2. Петр Мультатули ЗАГАДКА ГОРБАЧЁВА: ПРЕДАТЕЛЬ ИЛИ РЕФОРМАТОР https://tsargrad.tv/articles/mify-o-pervom-i-poslednem-prezidente-sssr_102497 (25.12. 2017).
3. Обзор некрологов: "железная леди" Маргарет Тэтчер <https://ria.ru/20130408/931577141.html>
4. Стоит ли радоваться смерти Тэтчер? <https://russellab.livejournal.com/599565.html>.
5. Иван СУПОНЕВ, Кирилл БРАГИН. При Горбачеве Церкви дали свободу и не потребовали ничего взамен <https://www.miloserdie.ru/article/pochemu-gorachev-razreshil-czerkov/>.
6. Маргарет Тэтчер - антикумир молодежи <https://ria.ru/20130409/931726617.html> (09.04.2013).

Литература

- Брюнелен Андре Жан Габен (2001). *Андре Брюнелен*. Москва, Искусство, 222.
- Будаев Э. В., Тихонов В. В. (2016). Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США. *Политическая лингвистика*, 2 (56), 43–49.
- Гура А. В. (1997). *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва, Индрик, 912.
- Демидов О. В. (2007). Инвективные высказывания в речи политического деятеля. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 1, 112-120.
- Ерофеева И. В. (2017). Смерть как терминальная аргументация современного медиатекста. *Вопросы теории и практики журналистики*, Т. 6, 1, 77–90.
- Жельвис В. И. (1997). *Поле брани. Сквернословие как социальная проблема*. Москва, Лодомир, 328.
- Вепрева И., Яо Цзясюй (2023). Зоометафоры в российском политическом дискурсе, связанные с топосами грязи и мусора. *Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы*, 11, 1 (21), 31–50.
- Леви-Брюль Л. (1994). *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. Москва, Педагогика-Пресс, 602.
- Лотман Ю. М. (1994). *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. Санкт-Петербург, Искусство, 399.
- Москвин Д. Е. (2007). Политическая танатология: методологические наброски. *Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады второй международной научно-практической конференции, посвящённой памяти Жана Бодрийера*. Екатеринбург: издательский Дом «Дискурс-Пи», 27–29.
- Мысливец Н. Л., Романов О. А. (2018). Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 18 (1), 9–19.
- Серебрякова А. Ю. (2021). Виды инвективной лексики в медийном дискурсе *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*, Т. 18, 4, 42–46. DOI: 10.14529/ling210406
- Синицина Н. А. (2008). *Историческая память как регулятив современной культуры*:

- социологический анализ: автореферат дис. ... кандидата социологических наук. Майкоп, 23.
- Чесноков И. И. (2014). Дискурсивная тактика поругания: косвенные формы объективации. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 7 (92), 19–24.
- Шейгал Е. И. (1999). Вербальная агрессия в политическом дискурсе. *Вопросы стилистики: Антропоцентрические исследования*, 28, 204–222.
- Шейгал Е. И. (2000). *Семиотика политического дискурса*. Волгоград, Перемена, 367.
- Coser, L. A. (1992). *The revival of the sociology of culture: the case of collective memory*. In *Sociological Forum*, Eastern Sociological Society, 365–373.
- Zerubavel, E. (1996). Social memories: Steps to a sociology of the past. *Qualitative sociology*, 19, 283–299.

References

- Bryunelen A. Zhan Gaben (2001). *Andre Bryunelen* [André G. Brunelin]. Moscow, Iskusstvo, 222.
- Budaev E. H., Tikhonov V. V. (2016) Zoomorfnye metafory kak instrument konceptualizacii sirijского konflikta v SMI Rossii i SSHA [Zoomorphic metaphors as a tool for conceptualization of conflict in Syria in US and Russian mass media]. *Political Linguistics*, 2 (56), 43–49.
- Chesnokov I. I. (2014). Diskursivnaya taktika poruganiya kosvennye formy obektivacii [Discursive tactics of abuse: indirect forms of objectification]. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*, 7 (92), 19–24.
- Coser, L. A. (1992). *The revival of the sociology of culture: the case of collective memory*. In *Sociological Forum*, Eastern Sociological Society, 365–373.
- Demidov O. V. (2007). Invektivnye vyskazyvaniya v rechi politicheskogo deyatelya [Invective claims in the speech of policy-makers]. *Znak problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: problem field of media education], 1, 112–120.
- Erofeeva I. V. (2017). Smert kak terminalnaya argumentaciya sovremennogo mediateksta [Death as terminal argumentation of the modern media text]. *Issues of theory and practice of journalism*, 6, 1, 77–90.
- Gura A. V. (1997). *Simvolika zhivotnyh v slavyanskoj narodnoj tradicii* [The symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik, 912.
- Levi Bryul L. (1994). *Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii* [The supernatural in primitive thinking]. Moscow, Pedagogika Press, 602.
- Lotman Y. M. (1994). *Besedy o russkoj kulture byt i tradicii russkogo dvoryanstva XVIII nachalo XIX veka* [Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII - early XIX centuries)]. St. Petersburg, Iskusstvo. 399.
- Moskvin D. E. (2007). Politicheskaya tanatologiya metodologicheskie nabroski [Political thanatology: methodological outlines]. *Diskursologiya metodologiya teoriya praktika* [Discourseology: methodology, theory, practice]. Ekaterinburg, Diskurs P, 27–29.
- Myslivec N. L., Romanov O. A. (2018). Istoricheskaya pamyat kak sociokulturnyj fenomen opyt sociologicheskoy rekonstrukcii [Historical memory as a sociocultural phenomenon: the experience of sociological reconstruction]. *RUDN Journal of Sociology*, 18 (1), 9–19.
- Serebryakova A. Yu. (2021). Vidy invektivnoj leksiki v medijnom diskurse [Types of invective vocabulary in media discourse]. *South Ural State University Bulletin. Series "Linguistics"*, 18, 4, 42–46.
- Sinitsina N. A. (2008). *Istoricheskaya pamyat kak regulativ sovremennoj kultury sociologicheskij analiz* [Historical memory as a regulator of modern culture: sociological analysis]: abstract of PhD thesis. Maikop, 23.
- Sheigal E. I. (1999). Verbalnaya agressiya v politicheskom diskurse [Verbal aggression in political discourse]. *Voprosy stilistiki* [Questions of stylistics]. Saratov, 28, 204–222
- Sheigal E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd, Peremena, 367.
- Vepreva I. Yao Czyasyuj (2023). Zoometafory v rossijskom politicheskom diskurse svyazannye s toposami gryazi i musora Issledovatel'skij [Zoometaphors in russian political discourse related to topos of dirt and garbage]. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury* [Research Journal of Russian Language and Literature], 11, 1 (21), 31–50.
- Zerubavel, E. (1996). Social memories: Steps to a sociology of the past. *Qualitative sociology*, 19, 283–299.
- Zhelvis V. I. (1997). *Pole brani Skvernoslovie kak socialnaya problema* [Battlefield: foul language as a social

problem]. Moscow, 328.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 20.10.2023.
Принята к публикации 20.11.2023.

Об авторах

Гавра Дмитрий Петрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета, ORCID: 0000-0002-6536-9277; dpgavra@gmail.com

Быкова Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета, ORCID: 0000-0003-3842-8419; bykova2april@gmail.com

Gavra D. P., Bykova E. V.

THE PAST AS A REFLECTION OF THE POLITICAL PRESENT: M.S. GORBACHEV IN POSTHUMOUS COMMENTS BY THE RUSSIAN ONLINE AUDIENCE

Abstract: The article analyzes the comments from users of Russian social networks as a mass reaction to the official announcement of the Mikhail Gorbachev's death (the First Russian Television Channel; August 31, 2022) The dataset was collected using the Semantic Force program. The empirical base includes 2,528 comments to reposts on the channels vk.com, t.me, youtube.com, zen.yandex.ru, livejournal.com, 1sn.ru, otvet.mail.ru, odnoklassniki.ru. The simultaneous reaction to the past national leader death provides information about the current state of mass consciousness in line with the sociology of mass communication and the sociology of memory. Selection of units for lexical-semantic analysis of comments: nominations of a politician (136 non-repeating units). The comments are the binary opposition of supporters and opponents of the politician. Comments with a neutral tone were not found in the dataset.

Keywords: political past reflection, death of a national leader, M. S. Gorbachev, social networks, comments, sociology of media communications, sociology of memory

For citation: Gavra D. P., Bykova E. V. (2023). Past as reflection of political present: M. S. Gorbachev in posthumous comments by Russian online audience. *Memoirs of NovSU*, 6(51), 550-562. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).550-562